

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ЛАТВИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р. К. РОЗЕ

РЕАКЦИОННАЯ РОЛЬ
КРЕДИТНОЙ
И ЭМИССИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА
БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ
(1922 — 1940 гг.)

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

РИГА 1954 г.

72639.
 ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 А. Н. Киргизской ССР

Данная работа представляет собой попытку рассмотреть деятельность эмиссионного банка буржуазной Латвии и ту реакционную роль, которую он сыграл в развитии латвийской экономики. Государственный банк, как эмиссионное учреждение, был наиболее крупным в Латвии. Он являлся важным фактором, обеспечивающим обогащение находившейся у власти буржуазии, служил источником, из которого кредитные учреждения монополистического капитала черпали необходимые им средства.

Подлинная деятельность Латвийского государственного банка не нашла соответствующего отражения в его ежегодных официальных отчетах. В связи с этим диссертант поставил перед собой задачу на основе архивных материалов показать реакционный характер его кредитной и эмиссионной политики, направленной на подчинение страны иностранному капиталу и получение буржуазией максимальной прибыли, что неизбежно было связано с ухудшением положения трудящихся и усилением их эксплуатации.

В данной работе диссертант руководствовался трудами классиков марксизма-ленинизма, особенно произведениями В. И. Ленина и И. В. Сталина по вопросам империализма. Кроме того, была использована специальная литература и архивные материалы Латвийской республиканской конторы Госбанка СССР. Критическому разбору подвержены данные Статистического управления буржуазной Латвии по вопросам кредита и финансов, годовые отчеты Латвийского банка, периодические издания министерства финансов Латвии (например «Экономистс») и другая литература.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы и других источников.

В первой главе диссертации изложены вопросы об образовании и о роли банков в капиталистическом обществе на различных стадиях его развития.

Во второй главе диссертации рассмотрена проблема создания буржуазной Латвии и развития ее народного хозяйства, а также вопрос об образовании и деятельности Латвийского банка в период частичной стабилизации капитализма.

В третьей главе исследуется всеобъемлющий характер мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. и анализируется

кредитная и эмиссионная политика Латвийского банка в условиях этого кризиса.

В четвертой главе дана характеристика кредитной и эмиссионной политики Латвийского банка при фашистской диктатуре (1934—1940 гг.).

I.

Перерастание банков из скромных посредников в платежах во всемогущие монополии, в цитадели финансовой олигархии, произошло не сразу, не в течение короткого времени. Этот процесс длился несколько столетий.

Постепенное превращение менял-ростовщиков и мастеров золотых дел в банкиров капиталистического типа не могло удовлетворить нужды капиталистического способа производства; потребовалось с помощью государства создать капиталистическую кредитную систему, образовать крупные акционерные банки, пользовавшиеся правом выпуска банкнот и совершения других финансовых операций.

Развитие частнокапиталистического банковского дела и организации акционерных эмиссионных банков приводили к подрыву денежной монополии ростовщиков и замены ее кредитной системой, соответствующей капиталистическому способу производства.

Характерной чертой развития капитализма является рост промышленности и быстрый процесс концентрации производства, причем банки играют особую роль в деле подавления крупными промышленными предприятиями мелких, средних и даже некоторой части больших.

Свободная конкуренция породила концентрацию производства, которая, в свою очередь, на известной стадии своего развития, привела к монополии.

Процесс концентрации капиталистического производства и образования монополий имеет место во всех отраслях хозяйства, не исключая и банков.

В результате беспощадной конкурентной борьбы число банков постепенно сокращается, но в то же время увеличиваются их капиталы и объем операций. На первое место выдвигаются банки-гиганты. Завоевав монопольное положение, они заключают между собой соглашения и создают свои объединения. Большая часть денежного обращения проходит через эти банковские монополии.

Концентрация и централизация капитала в промышленности, банках и других отраслях хозяйства вырастает на основе объективных законов развития капитализма. В период империализма процесс концентрации и централизации достигает

своего кульминационного пункта. В то же время происходят и качественные изменения во всей капиталистической экономике. Период свободной конкуренции заканчивается, сменяясь периодом господства финансового капитала.

С увеличением степени концентрации банков фактически сокращается круг кредитных учреждений, и промышленность в поисках кредита попадает во все большую зависимость от немногих банковских монополий. Банки все сильнее сращиваются с промышленными предприятиями и выдают им не только краткосрочные, но и долгосрочные кредиты. Взаимоотношения между банками и промышленными предприятиями изменяются. Банки в процессе своей деятельности приобретают ценные бумаги (акции и облигации) промышленных предприятий и торговых фирм, становятся, таким образом, их совладельцами.

С другой стороны, монополисты-промышленники приобретают акции банков. Рождается уния банков с промышленными и торговыми предприятиями, происходит сращивание банковского капитала с промышленным.

Финансовый капитал тесно переплетается с государственным аппаратом и подчиняет его себе, используя для получения максимальной прибыли. Это наглядно видно из примера Латвии. Ее крупнейшие акционерные банки (Крестьянский банк, Рижский Унион банк, Коммерческий банк и др.) срослись с крупными торговыми, промышленными и транспортными объединениями и предприятиями («Латс», «Трансориент», «Бакман», «Тека», Илгемский стекольный завод и т. д.). В то же время министры Латвии — Ульманис, Мееровиц, Балодис, Блэдниекас и др. являлись главными акционерами наиболее мощных латвийских объединений, в том числе и банков. Почетна в этом отношении история Латвийского кредитного банка. Этот банк под видом реорганизации и оздоровления «поглотил» многие кредитные учреждения, торговые фирмы и промышленные предприятия. Им было присоединено в 1935 году 6 акционерных банков, 6 обществ взаимного кредита, 2 торгово-промышленных общества;

в 1936 году — 2 акционерных банка, 6 обществ взаимного кредита, 9 торгово-промышленных обществ;

в 1937 году — 11 торговых и промышленных предприятий, 7 кооперативных обществ;

в 1939 году — 5 торгово-промышленных обществ, 43 кооперативных общества.

Латвийский кредитный банк своими капиталами принимал участие во многих других объединениях. В 1938 году это участие выразилось на общую сумму в 32.427.543 лата, в том числе:

в банках на 9.980.000 лат,
промышленных предприятиях . . . на 17.190.369 лат,
в торговых предприятиях на 5.257.173 лата.

Чиновникам государственного аппарата и министрам Латвии принадлежала значительная часть акций вновь созданных «Национальных акционерных обществ». Таким образом, в Латвии открыто и широко раскинула свои сети уния банков с крупнейшими промышленными, транспортными и торговыми предприятиями, с одной стороны, и правительственным аппаратом, с другой. Финансовый капитал полностью подчинил себе правительство и использовал государственную машину в целях получения максимальной прибыли.

Если в домонополистический период капитализма можно еще говорить об относительной самостоятельности, независимости эмиссионных банков в области их деятельности, т. е. эмиссии и кредита, — то в период империализма это отпадает, и эмиссионные банки превращаются в мощную опору финансового капитала, в защитников его интересов.

Эмиссионным банкам в капиталистической кредитной системе отводится особая, очень важная роль. Выпускаемые эмиссионными банками банкноты находятся в обращении на территории того или иного государства как деньги, и эмиссионные банки в связи с этим берут на себя регулировку денежного обращения и поддержание стабильности денег.

В начальной стадии своего развития эмиссионные банки производят все обычные банковские операции. В дальнейшем, с укреплением частных банков и образованием банковских монополий их деятельность меняется; эмиссионные банки прекращают выдачу кредитов частнокапиталистическим предприятиям, предоставляют их только банкам и фактически становятся «последним резервом» всех прочих банков, а в случае их серьезных затруднений превращаются в «сверхбанки», в «последнюю надежду» всех остальных банков.

Обычно центральный эмиссионный банк является кассиром государственного бюджета и получает возможность использовать государственные средства на поддержку монополий.

Выпускаемые эмиссионными банками банкноты опираются на вексельное обращение. Тесная связь банкнот с обращением векселей обуславливает регулярное возвращение банкнот в эмиссионный банк (речь идет о товарных векселях). В период империализма крупные банки часто пускают в обращение так называемые «дружеские векселя», за которыми фактически никакого обеспечения нет.

Кроме того, эмиссионные банки производят операции с государственными векселями, не связанными с процессом произ-

водства и обращения. Естественно, что подобные векселя в сроки не выкупаются и большая часть из них пролонгируется, что в известной степени создает угрозу регулярному возвращению банкнот к исходному пункту и подрывает их стабильность.

При империализме центральные эмиссионные банки большую часть имеющихся в их распоряжении средств превращают в государственные ценные бумаги, векселя и государственные облигации, тем самым значительно ухудшая свою балансовую ликвидность.

Все эти явления можно проследить и в деятельности центрального эмиссионного банка буржуазной Латвии.

Так, в донесении Латвийского банка от 9 апреля 1930 года министру финансов отмечается, что «большая часть редисконтированных Латвийским банком векселей других кредитных учреждений по своему первоначальному происхождению, являются дружескими векселями»¹.

Основную часть ссуд Латвийского банка в годы фашистской диктатуры (1934—1940) поглощали государственные учреждения и предприятия, причем кредиты, как правило, были долгосрочными.

Так, например, по состоянию на 1 апреля 1940 года, из 153,7 млн. лат общей суммы кредитов, выданных Латвийским банком, на государственные учреждения и предприятия приходилось 117 млн. лат; 24 млн. лат перепало Латвийскому кредитному банку; частные фирмы получили всего лишь 12 миллионов лат².

Ухудшение вексельного портфеля эмиссионных банков во время империализма значительно ухудшает банкнотное обеспечение и тем самым подрывает устойчивость банкнот. Использование ресурсов эмиссионных банков для покрытия государственных расходов приводит к их ослаблению. Нарушается ликвидность балансов эмиссионных банков и они все меньше могут служить «последним резервом» для народного хозяйства. Это особенно бьет по капиталистической экономике в условиях кризисов.

С наступлением экономических затруднений или при политических осложнениях эмиссионные банки, при своих незначительных резервах драгоценных металлов, оказываются не в состоянии выполнять все задачи, стоящие перед ними, в результате чего падает устойчивость денег, нарушаются расчеты по международным платежам, прекращается выплата по вкла-

¹ Архив Латвийской Республиканской Конторы Госбанка СССР, фонд 2209, полка 1514.

² То же, фонд 38, полка 1779.

дам и вся государственная система кредита оказывается в положении острого растроя.

II.

В работах советских экономистов до последнего времени еще не подвергалась рассмотрению кредитно-денежная система буржуазной Латвии. Между тем такого рода исследование имеет известное значение для анализа состояния денежного обращения зависимых буржуазных государств в условиях общего кризиса капитализма.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции ознаменовала начало общего кризиса капитализма, в результате которого обострились все противоречия империализма, что вызвало глубокое расстройство всей денежной системы капиталистического мира.

До начала первой мировой войны денежное обращение капиталистических стран было относительно стабильным, поскольку оно базировалось на свободном обращении золота. Однако война нанесла сокрушительный удар по золотому обращению. Обмен денежных знаков на золото был прекращен.

Рост военных расходов капиталистических стран и экономические потрясения, вызванные войной, привели к жесточайшей инфляции. В Латвии инфляция и финансовый хаос затянулись и пагубно отразились на экономике страны.

Исследование денежной системы Латвии дает возможность глубже вскрыть ее экономическую зависимость от империалистических держав. Анализ ее финансовой системы до конца разоблачает тяжелый гнет и жестокую эксплуатацию, которым подвергались латвийские трудящиеся.

До первой мировой войны Латышский край имел тесные экономические связи с другими районами России, сложившиеся на основе общественного разделения труда и экономического районирования. Эти связи создавали благоприятные условия как для развития экономики Латышского края, так и для развития экономики России в целом. На внутренних рынках России сбывалось почти 80% всей промышленной продукции Латышского края; 28,2% всего экспорта России шло через латвийские порты.

Первая мировая война, немецкая оккупация и интервенция причинили огромный ущерб народному хозяйству Латышского края. Достаточно сказать, что за период войны его население уменьшилось почти на 1 миллион человек.

Возникшая в период Великой Октябрьской социалистической революции Советская власть в Латвии, с первых дней

своего существования приступила к восстановлению народного хозяйства. Уже в мае 1919 года только в одной Риге были восстановлены и работали более 100 фабрик и заводов, на которых было занято около 10.000 рабочих. Но Советская власть в Латвии просуществовала недолго. Пользуясь слабостью молодой Советской России, империалисты Антанты и США задушили Советскую власть в Латвии. В условиях оторванности от Советской России, имея разрушенное народное хозяйство и развалившуюся финансовую систему, буржуазная Латвия, с первых же дней своего существования, стала объектом экономической экспансии крупных империалистических государств. Именно в условиях такой внутренней и международной обстановки правящие круги Латвии должны были разрешить финансовую проблему страны, страны, в которой царил валютный хаос и в обращении находились различные денежные знаки — германские марки, остмарки, острублы, царские бумажные деньги, денежные знаки, выпущенные Либавским и Митавским городскими управлениями, и другие.

Инфляция еще больше усилилась в Латвии, когда правительство начало выпускать в начале 1919 года свои деньги — латвийские рубли, не обеспеченные золотом. В 1920 году было выпущено в обращение казначейских билетов на 156,4 млн. рублей, в 1921 году — на 1492, 2 млн. рублей.

18 марта 1920 года правительство Латвии объявило латвийский рубль единственным законным платежным средством внутри страны. Это дало возможность банкирам, фабрикантам, домовладельцам погасить свои долги обесцененным латвийским рублем.

Как показывают архивные данные, в целях создания государственного золотого фонда, Латвийское представительство в Москве начало тайно скупать и приобретать иными темными путями в Советской России золото и драгоценности.

Растущая инфляция поставила перед правительством Латвии неотложную задачу укрепления денежной системы. Не имея золотого фонда, Латвийское правительство пыталось учредить эмиссионный банк с помощью иностранного капитала. Но солидные иностранные банки отказывались в этом помочь неустойчивому правительству Латвии, которое не было признано еще даже де-юре. Поэтому правительство Латвии вынуждено было начать переговоры с «The National Metal and Chemical» банком в Лондоне (основан в 1919 году), считавшимся «сомнительным учреждением».

Указанный банк продиктовал исключительно кабальные условия. Они сводились к следующему:

1. Банк обязался перечислить в Лондоне Ллойд банку

500.000 фунтов стерлингов, как основной капитал эмиссионного банка Латвии. Указанная сумма с процентами подлежала погашению в течение 5 лет по 125.000 фунтов стерлингов ежегодно.

2. Как обеспечение в уплату долга, правительство Латвии обязано было предоставить банку монопольное право на экспорт латвийской древесины и весь ее импорт в течение 15 лет.

Это было настолько открыто-разбойничье предложение, что даже правящая клика Латвии, распродававшая национальные богатства Латвии иностранным монополистам оптом и в розницу, не решилась их принять. Сделка не состоялась.

В течение нескольких лет правительство Латвии не могло наладить свою денежную систему. Лишь в марте 1922 года была введена в обращение новая денежная система (лат), которая несколько стабилизировала финансы на основе огромного экспорта сельскохозяйственных продуктов, особенно льна и леса. В государственном Ссудно-сберегательном банке и в Кредитном департаменте были созданы некоторые резервы иностранной валюты.

Новая денежная система Латвии — «лат» была основана на золотослитковом стандарте, с содержанием в лате 0,2903226 гр чистого золота. При этом, конечно, латвийское правительство не могло пойти на обмен лата на золото, так как «лат» основывался не на золотом фонде, а на иностранной валюте (в 1923 году «лат» обеспечивался 1% золота и 99% иностранной валюты). Несмотря на известные успехи, прочной и устойчивой денежной системы Латвии создано все же не было. Основной эмиссионный центр — Латвийский банк — находился в руках буржуазных дельцов, использовавших его для темных и жульнических комбинаций. Достаточно сказать, что в результате этих комбинаций до 1929 года банком было списано в убытки 16,2 млн. лат.

Как известно, в Латвии имелись также и частные банки, которые, по существовавшим тогда законам, могли функционировать, имея полностью внесенный акционерный капитал. Однако, Латвийский банк предоставлял им кредиты, если они даже и не имели своего акционерного капитала, или, если имели, то в крайне мизерных размерах. К таким банкам относились Латвийский крестьянский банк, Торговый банк, Рижский Унион банк, Сельскохозяйственный центральный банк и др.

Вексельный портфель Латвийского банка из года в год пополнялся сомнительными векселями. Если же принять во вни-

мание, что векселями обеспечивались в известной степени и банкноты, станет ясным насколько «устойчивым» был лат.

Выдавая ссуды, Латвийский банк руководствовался принципом максимального обеспечения политических деятелей реакционных партий и отдельных предприятий льготным кредитом. Это привело к тому, что Латвийский банк достиг предельной границы в использовании средств и остался без серьезных резервов. Баланс банка стал неликвидным. Вследствие этого банк стремился переучесть свой вексельный портфель за границей. Однако заграничные банки требовали 100% обеспечения векселей в иностранной валюте (Bank of England, The Royal Bank of Scotland и др.).

Чтобы удержать курс лата стабильным на иностранных биржах, — Латвийский банк должен был держать за границей на счетах «ностро» большие суммы средств в иностранной валюте или золоте. Так, например, в 1929 году счет «ностро», составлял 71,2 млн. лат, а счет «лоро» в то же время только 0,9 млн. лат.

Структура денежного обращения в Латвии не была однородной и состояла из банкнот, государственных казначейских билетов и разменной монеты. Выпуск казначейских билетов и разменной монеты осуществляло Министерство финансов. В 1929 году имелось в обращении 43,3 млн. лат. банкнот, 33,4 млн. лат казначейских билетов и 22,3 млн. лат разменной монеты. Таким образом, банкноты в общей массе денежного обращения составляли только 40%. Это показывает, что Латвийский банк не играл регулирующей роли в денежном обращении страны.

Таким образом, официальная версия о том, что лат был стабильным, не имеет под собой никакой почвы.

При распределении средств Латвийского банка — в его совете принимали участие буржуазия и дельцы из буржуазных партий — социал-демократы, латгальские прогрессисты, попы, представители Крестьянского союза, бергисты. Между различными группировками часто возникала острая грызня из-за дележа кредитов, ссуд и т. д.

Анализ финансовой системы буржуазной Латвии показывает, что во время господства реакции страна систематически находилась в состоянии финансового кризиса и инфляции, что тяжелым бременем ложилось на плечи трудящихся. Это вело к еще большему обострению противоречий между пролетариатом и буржуазией, приближая тем самым победу социалистической революции в Латвии.

Победа советской власти в 1940 году явилась закономерным результатом действия в Латвии объективного экономического

закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

III.

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. вызвал невиданный упадок промышленности, торговли и сельского хозяйства. Мировая промышленная продукция капиталистических стран уменьшилась на 44%, мировая торговля с 67,7 миллиардов долларов в 1929 году упала до 23 млрд. долларов в 1934 году. Многие тысячи предприятий и банков обанкротились, в громадных размерах возросли безработица, нужда и горе трудящихся.

Углубление экономического кризиса вызвало острый денежно-кредитный кризис, переросший в валютный кризис. Как разрушительный ураган, кризис вторгся в сферу денежного обращения и установившиеся между странами кредитные и валютные отношения.

В Латвии экономический кризис начался несколько позже, чем в основных капиталистических странах Европы. Основной причиной, отодвинувшей наступление экономического кризиса в Латвии, явились заказы СССР, произведенные в соответствии с заключенным в 1927 году Советско-Латвийским торговым договором.

Тем не менее к 1931 году экономический кризис охватил уже все отрасли народного хозяйства Латвии. Если стоимость промышленной продукции в 1929 году составляла 446,9 млн. лат, то в 1932 году она упала до 284,9 млн. лат. Число официально зарегистрированных безработных достигло 40.000 человек.

Не меньшие трудности чем промышленность переживало сельское хозяйство Латвии. Происходило массовое разорение бедняцко-середняцких масс крестьянства. За период 1930—1934 гг. на селе было объявлено 16.873 торгового недвижимого имущества.

Кризис тяжело ударил по внешней торговле Латвии и весьма остро отозвался на ее финансах. Дефицит государственного бюджета начал быстро возрастать. За четыре года, по официальным данным, он достиг колоссальной для Латвии суммы — 39,3 млн. лат.

Для сбалансирования государственного бюджета правительство Латвии предпринимало ряд мер, которые тяжелым бременем легли на плечи трудящихся. Была введена государственная монополия на сахар, установлены специальные кризисные налоги, повышены почтовый и железнодорожный та-

рифы, увеличены пошлины и т. д. И тем не менее все эти прямые и косвенные налоги не дали возможности сбалансировать государственный бюджет. Расходы на вооружение, содержание управленческого и полицейского аппарата возрастали. Экспорт масла, бекона и другой сельскохозяйственной продукции также требовал больших приплат, которые получала кулацкая часть деревни.

Правительство Латвии пошло по следам правительств других капиталистических стран: — начало выпускать государственные займы и усиленно пополняло сферу обращения бумажными деньгами, увеличивая этим инфляцию.

В 1931 году был выпущен так называемый «внутренний дорожный заем» на сумму 20 млн. лат, при чем часть этого займа была размещена в принудительном порядке между государственными служащими. Министерство финансов, используя свое право выпуска государственных казначейских знаков и разменной монеты, усилило их выпуск для покрытия бюджетного дефицита. За время кризиса было выброшено дополнительно в обращение денег на 12,1 млн. лат.

С развертыванием кризиса началась паника вкладчиков, за которой следовало массовое изъятие вкладов из банков. Чтобы спасти крупные банки от банкротства — по предложению Министерства финансов, — правительство издало закон об ограничении выплаты вкладчикам их сбережений (вначале было разрешено выдавать 5, а позднее 2,5% в неделю — от общей суммы вклада).

Посредством налоговой, таможенной, бюджетной и кредитной политики латвийское правительство переложило основную тяжесть экономического кризиса на плечи трудящихся.

Латвийский банк и до экономического кризиса осуществлял кредитную инфляцию. Предоставляя в больших размерах кредиты капиталистическим предприятиям без достаточного обеспечения, банк остался без кредитных резервов и во время кризиса не имел возможности маневрировать.

Когда дефицит государственного бюджета увеличился, Министерство финансов начало изымать из текущих и бюджетных счетов Латвийского банка свои резервы и тем самым еще больше ухудшило его положение. Общая сумма государственных средств, помещенных в Латвийском банке, из года в год уменьшалась. Так, с 1929 по 1932 год государственные средства в Латвийском банке уменьшились на 39,8 млн. лат. В то же самое время кредиты Латвийского банка правительственным монополиям возросли. В 1929 году таких кредитов было выдано 7,6 млн. лат, в 1933 году — 35,7 млн. лат.

Латвийский банк, оставшись во время кризиса без серьез-

ных кредитных резервов, попал в крайне тяжелое положение. В связи с этим правление банка начало сокращать кредиты городским кредитным учреждениям, торговым. предприятиям и частично сельскому хозяйству.

Проведение кредитной рестрикции было возложено на учетную комиссию, правление и совет банка.

Поскольку кредитная рестрикция не дала ожидаемых результатов, Латвийский банк обратился за помощью к Международному Расчетному банку в Базеле (Bank for International Settlements), и решил приобрести 500 его акций на общую сумму 1.250.000 лат. В Базель был командирован заместитель главного директора Латвийского банка с целью добиться кредита на сумму 20 млн. лат. В начале 1931 года Международный Расчетный банк сообщил, что может предоставить кредит, если:

1. Латвийский банк в течение 3 месяцев сократит на 15 млн. лат ранее выданные кредиты;
2. стабилизирует общую сумму казначейских билетов с тем, чтобы их находилось в обращении не более как на 37 млн. лат;
3. общая сумма государственных депозитов не будет падать ниже 85 млн. лат.

Кроме того, вся бумажно-денежная эмиссия должна быть концентрирована в Латвийском банке.

Условия кредита, предложенные Латвийскому банку Международным Расчетным банком, были по существу трудно выполняемыми и носили форму диктата. Дальнейшая кредитная рестрикция Латвийского банка, главным образом, затронула мелкие и средние торгово-промышленные предприятия и городские банки.

Во время кредитной рестрикции Латвийский банк уменьшил общую сумму кредитов в 1931 году только на 6,9 млн. лат, и, таким образом, не выполнил требования Международного Расчетного банка. Он не выполнил так же и других условий. Ежегодные дефициты в бюджете Латвии заставили министерство финансов отозвать свои средства из Латвийского банка и к 1934 году они были доведены до 46,5 млн. лат. Министерство же финансов не отказалось от права эмиссии казначейских билетов и разменных монет.

Во время кризиса резко сократились кредиты торгово-промышленным предприятиям. В то же время кредиты государственно-монополистическим предприятиям увеличились. Об этом свидетельствуют следующие данные:

В 1929 году торговым и промышленным предприятиям было выдано 94,5 млн. лат кредитов, что составляло 63% от их общей суммы. Сельскому же хозяйству было выдано 53,2

млн. лат (37%). В 1933 году торгово-промышленные предприятия получили 54,5 млн. лат (42%), сельское хозяйство получило 74,4 млн. лат (58%).

Во время кризиса произошло значительное ухудшение вексельного портфеля Латвийского банка. Редисконт «дружественных» и «бронзовых» векселей принял массовый характер и превратился в особый вид обогащения капиталистов за счет государственных средств.

С образованием Латвийского банка началась учредительская лихорадка акционерных обществ, причем вновь создаваемые общества черпали средства из Латвийского банка не только для оборота, но также и для пополнения акционерного капитала. В обращении появилось множество «дружественных векселей», при помощи которых перекачивались государственные средства в карманы буржуазии. Когда созданные общества объявлялись неплатежеспособными, Латвийский банк списывал «дружественные векселя» в убытки.

В результате кредитной рестрикции из вексельного портфеля Латвийского банка были выкуплены деловые векселя. Это еще более ухудшило качество вексельного портфеля и тем самым увеличило количество опротестованных векселей. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Опротестованные векселя в Латвийском банке за время с 1929 по 1934 год¹.

Г о д ы	Общая сумма опротестованных векселей в латах
1929	734.884,46
1930	2.847.069,20
1931	2.543.934,33
1932	2.514.962,38
1933	1.513.784,94

Чтобы скрыть громадные убытки по учету векселей, Латвийский банк прибегал к фальсификации баланса. Так, например, в 1930 году опротестованные векселя на сумму 795.963,66 лат не были списаны.

В результате учета дружественных векселей и предоставления необеспеченных кредитов Латвийский банк до 1934 года понес убытки в размере 30.979.210,24 лата.

Неудовлетворительной также была и эмиссионная деятельность Латвийского банка. Вопрос о стабильности лата подни-

¹) Данные взяты из балансов Латвийского банка за время с 1929 по 1933 год.

мался уже в 1930 году. Совет Латвийского банка на своих заседаниях несколько раз отмечал, что стабильность лата катастрофически падает, и банк своими силами не в состоянии предотвратить это падение. Тогда правительство Латвии ввело жесткие валютные ограничения. Оно запретило обмен банкнот, ввело импортное регулирование, установило приплаты на отдельные экспортные товары и т. д. Все же утечка иностранной валюты приняла угрожающие размеры. Если в 1929 году Латвийский банк имел иностранной валюты на 71,2 млн. лат, то в 1934 году только на 3,0 млн. лат. Несмотря на угрожающее снижение валютных резервов, правительство Латвии продолжало платежи по военным долгам США и Англии.

Что же касается банкнотного обращения, то оно во время кризиса быстро возрастало, причем обеспеченность банкнот падала.

Валютные ограничения и прекращение свободного обмена банкнот фактически означали отказ от золотого стандарта, а приплаты на экспортные товары вели к девальвации лата.

IV.

15 мая 1934 года в Латвии был произведен фашистский переворот.

Для проведения своей экономической политики фашистское правительство создало специальный акционерный банк «Латвияс кредитбанка», акционерный капитал которого был установлен в 40 млн. лат. Правительство заставило Почтовую сберегательную кассу приобрести за наличный расчет акции этого банка на сумму 12 млн. лат за счет частных вкладчиков. Остальную часть акционерного капитала (28 млн. лат) составили залоговые листы Земельного банка и долговые требования от коммунальных предприятий.

В задачи Латвийского кредитного банка входило предоставление краткосрочных кредитов и ликвидация торгово-промышленных предприятий и кредитных учреждений, испытывающих затруднения в платежах.

Кредитный банк перенял 9 акционерных банков, 11 обществ взаимного кредита, 16 торгово-промышленных акционерных обществ и целый ряд кооперативных учреждений. Наряду с другими банками он тесно сросся с промышленностью. Из его баланса видно, что он участвовал своими капиталами в торгово-промышленных и банковских предприятиях на общую сумму в 32,4 млн. лат. Чтобы упрочить положение Кредитного банка, правительством было дано указание всем государственным предприятиям, общественным организациям и

вновь учрежденным акционерным обществам держать свои свободные средства не в Латвийском банке, а в Кредитном.

В период фашистской диктатуры Латвийский банк две трети своих кредитов предоставлял аграрной буржуазии, являвшейся опорой существовавшей государственной власти. Начиная с 1934 года, Латвийский банк в больших размерах также финансировал реакционные мероприятия фашистского правительства.

Получая для реализации обеспечение неоплаченных кредитов, Латвийский банк постепенно превратился в значительного собственника недвижимого имущества. В 1935 году на его балансе числилось:

22 единицы недвижимого имущества	
в городах на сумму	2,1 млн. лат.
23 промышленных предприятия	
на сумму	2,9 „
100 единиц недвижимого имущества	
на селе на сумму	0,29 „

Инвестируя свои средства в неликвидные объекты, Латвийский банк ухудшал свое финансовое положение. Кроме того, его трудности увеличивались благодаря предоставлению долгосрочных кредитов, что противоречило положению об эмиссионном банке.

Чем сильнее аппарат Латвийского банка срашивался с фашистским правительством, тем больше его средства расходовались на нужды государственно-монополистического капитала. Так постепенно Латвийский банк начал отрываться от кредитования торговли, промышленности и банков. Клиентура Латвийского банка в принудительном порядке переводилась в Латвийский кредитный банк. Деятельность Латвийского банка сосредоточивалась главным образом на долгосрочном кредитовании государственно-монополистических предприятий. В апреле 1940 года общая сумма кредитов Латвийского банка составляла 153,7 млн. лат, причем государственные предприятия получили 117 млн. лат, Латвийский кредитный банк 24 млн. лат, частные фирмы 12 млн. лат.

Таким образом Латвийский банк из эмиссионного учреждения превратился в послушный орган Министерства финансов Латвии и не имел своей самостоятельной кредитной политики.

Правительство буржуазной Латвии и Латвийский банк рекламировали, что лат, после 1931 года, когда были введены валютные ограничения и был прекращен свободный обмен банкнот, все еще придерживался золотого стандарта. Однако это ни в какой мере не соответствовало действительности.

В конце мая 1936 года латвийское правительство снизило банкнотное покрытие с 50 до 30 процентов.

Осенью 1936 года оно провело девальвацию лата на 40,8%, приравнив его к английскому фунту стерлингов по курсу 1 ф. ст. = 25,2 лата. В связи с этим зависимость финансовой системы Латвии от Великобритании еще больше усилилась. Все валютные резервы Латвийский банк должен был держать в Лондоне. В Латвии осталось лишь 3 процента от общей суммы резервов в золоте и иностранной валюте.

После девальвации лата резко возросла дороговизна, значительно увеличилось количество находящихся в обращении денег, что свидетельствовало об инфляции. Так, в 1933 году было в обращении денежных знаков 104,6 млн. лат, в 1937 году — 140,2 млн. лат, а в 1940 году — уже 191,8 млн. лат.

После девальвации были переоценены резервы золота и иностранной валюты, а курсовая разница внесена на счет специального стабилизационного фонда, который хранился в Латвийском банке и находился в распоряжении Кабинета министров. Величина стабилизационного фонда, по неточным данным, достигла 50 млн. лат. В балансах Латвийского банка стабилизационный фонд не отражался.

С целью мобилизации средств правительство при посредничестве Латвийского банка выпустило в обращение Государственные кредитные знаки на сумму 34 млн. лат, которые были реализованы в принудительном порядке между банками и торгово-промышленными предприятиями по специально разработанному «плану размещения».

В сентябре 1939 года, когда гитлеровская Германия начала развязывать вторую мировую войну, Англия начала перестраивать свою кредитную и денежную системы применительно к военным обстоятельствам. Будучи привязанной своей денежной системой к английскому фунту стерлингу, Латвия при падении его курса терпела большие убытки.

В этих условиях правительство Латвии 12 сентября 1939 года приняло решение о привязке лата к золоту или какой-либо стабильной иностранной валюте. В клиринговых расчетах начинает фигурировать доллар как основа лата. Предвидя, что стабильность лата не удастся удержать на прежнем уровне, правительство дало указание Латвийскому банку о том, что «курс лата надо держать на уровне, соответствующем народному хозяйству Латвии». Это решение дало возможность в любое время менять курс лата, т. е. производить его девальвацию.

После начала второй мировой войны правительство Латвии почти весь свой экспорт продовольственных товаров на-

правляло в Германию. Однако последние расчеты производила крайне неудовлетворительно. Так, на 1 января 1940 года Германия была должна Латвии за экспорт 15.456.204,36 лат.

30 октября 1939 года правительство Латвии заключило с Германией договор о репатриации жителей немецкой национальности из Латвии в Германию. Этот договор ложился непосильным бременем на народное хозяйство и трудящихся Латвии. Латвийский банк в угоду иностранного финансового капитала принял участие в выполнении этого договора. Из Латвии начали переводиться большие суммы в Германию.

По архивным данным, предусмотренные переводы выразились в громадной сумме 91.594.000 лат. Это было почти равно всем резервам Латвийского банка в золоте и иностранной валюте (96.329.000 лат).

В 1939 году Латвийский банк перевел Германии 210.000 фунт. ст. или 4.593.750 лат.

передал 31.550 тонн ржи стоимостью в	15.379.750 лат,
внес на счет «УТАГ»	3.000.000 лат,
перечислил на счет «Умзидлунгсконт»	4.994.000 лат,
перевел Германии в счет расчетов 1940 года	3.200.000 лат.

Кроме того, Латвийский банк должен был выдать «УТАГ» долговые свидетельства на сумму в 30 млн. лат.

Заключенный Латвией договор с гитлеровской Германией содействовал укреплению военного потенциала Германии.

Уже в начале 1940 года хозяйственная и политическая деятельность фашистского правительства Латвии привела страну к катастрофе и финансовому краху. 23 апреля 1940 года Латвийский банк сообщил конфиденциальным письмом министру торговли и промышленности, что золотые и валютные резервы стремительно снижаются и что резервы Латвийского банка будут исчерпаны в ближайшее будущее. Для покрытия банкнот осталось только 13 млн. лат¹.

Катастрофа денежного обращения произошла не вдруг и не под действием военных обстоятельств. Это явилось следствием реакционной политики правительства и Латвийского банка в их кредитной и эмиссионной деятельности.

Латвийский банк на протяжении всего времени своего существования был послушным орудием финансовой олигархии и служил интересам ее обогащения; он в значительной степени содействовал перекачиванию государственных средств в сейфы международного финансового капитала.

¹) Архив Республиканской Конторы Госбанка СССР, фонд 4, полка 1526.

21 июля 1940 года трудящиеся Латвии под руководством Коммунистической партии свергли фашистскую диктатуру и установили советскую власть. Латвия вошла в дружную семью народов Советского Союза и начала перестраивать свою хозяйственную жизнь. Исполняя декларацию сейма от 22 июля 1940 года о национализации банков и больших торговых и промышленных предприятий, Министерство финансов ЛССР переняло все активы и пассивы кредитных учреждений.

Латвийский банк был реорганизован в Республиканскую контору Государственного Банка СССР. Была создана советская кредитная система, которая используется советским государством в интересах всего общества и осуществляет свою деятельность в соответствии с требованиями основного экономического закона социализма и закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, содействуя строительству полного коммунизма.